

О

сенью 2018 года в общественно-политической и культурной жизни Воронежской области произошло заметное событие. Вышло в свет и стало достоянием читателей трехтомное сочинение П.А. Кабанова «Воронежская область в контексте истории России 1945–2015 гг. Очерки политической истории». Новое произведение известного воронежского политика и общественного деятеля привлекает повышенное внимание не только специалистов-политологов и краеведов. Оно представляет несомненный интерес для широкой читающей публики, в первую очередь, для той, что продолжает проявлять интерес к сложным, нередко противоречивым процессам, протекавшим на широких просторах нашего Отечества.

Это тем более стоит отметить, что автор успел зарекомендовать себя как глубокий и вдумчивый аналитик политических процессов современности, владеющий к тому же хорошим литературным языком. Широкий резонанс имели первые печатные опыты Кабанова. Влиятельный одно время работник областной адми-

ПАВЕЛ КАБАНОВ

ВОРОНЕЖСКАЯ
ОБЛАСТЬ
В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИИ
РОССИИ
1945–2015 гг.

Том I

нистрации, он в 2006 году прокусул ответственный административный пост, а уже спустя два года отважился опубликовать полемически заостренный труд, посвященный жизни воронежского чиновничества. Критический настрой автора отчетливо выразился в самом названии книги: «Остров невезения. Воронежская область на переломе эпох». Широкий общественный резонанс, вызванный появлением труда отставного администратора, побудил его в 2013 году осуществить второе, дополненное издание. В боевито написанной книге содержится весьма откровенный, порой нелюбезный анализ состава и деятельности административных структур Воронежской области, нравов местной политической элиты в критические для страны годы формирования постсоветской государственности.

В любом случае надо признать, что автор — хорошо осведомленный региональный политик. В середине 1980-х годов он окончил исторический факультет ВГУ,

затем поступил в аспирантуру, а после защиты в 1990 году диссертации, посвященной анализу отечественной историографии аграрной политики ВКП(б), сумел совместить работу историка с хозяйственной и административной работой. Перейдя к политической деятельности, он быстро вошел в состав новой администрации, сформировавшейся в области вскоре после крушения всевластия КПСС и распада СССР. Молодой историк-исследователь с энтузиазмом встретил кампанию по демократическому обновлению страны. Он уверенно стал выполнять обязанности советника по информационно-аналитической и политической линиям при деятельном и популярном в 1990-е годы губернаторе А.Я. Ковалеве. Вполне понятно, что после избрания на пост главы областной администрации коммуниста И.М. Шабанова Кабанов из административной команды выбыл, но при губернаторе В.Г. Кулакове он занимал пост начальника управления стратегического развития. В последнее время являлся советником губернатора А.В. Гордеева (на общественных началах) и помощником ректора Воронежского государственного университета. Словом, о политических процессах современности Кабанов пишет со знанием дела.

Новый трехтомник, как по оформлению, так и по содержанию производит внушительное впечатление. Его композиция хорошо продумана и в целом выглядит вполне логично. Первый том посвящен анализу политического развития Воронежской области в первое послевоенное десятилетие. В томе две главы: первая содержит обзор положения Воронежской области в первое послевоенное десятилетие, во второй даются оценки развития области в 1953–1964 гг., или, по определению автора, во время «хрущевской оттепели». Однако исключительно важное место в томе заняло весьма обширное «Введение», в котором автор сообщает о цели и задачах своего труда и при этом откровенно демонстрирует свою позицию по ключевым вопросам отечественной истории новейшего времени. Второй том посвящен анализу политических процессов в стране и в области в последнюю четверть века существования СССР. Автор оценивает важнейшие политические процессы пос-

ледовавшего за «оттепелью» двадцатилетия, определяемое в книге как время застоя и деградации советской системы. Этому предкризисному времени посвящена первая глава тома (или третья всего сочинения). Вторая глава этого тома повествует о положении дел в области в бурное время перестройки и гласности (1985–1991). В третьем томе освещается драматическая картина преобразований, свершившихся в регионе в последнюю четверть века. Здесь также две главы. Одна из них (пятая в структуре всего произведения) рассказывает о том, как проходила в регионе коренная трансформация социально-экономического и политического строя России. Завершает автор свое исследование главой, содержащей аналитический обзор положения дел в Воронежской области в новом веке.

Авторский текст каждого тома дополняют обширные приложения, в которых воспроизводятся содержание важнейших документальных свидетельств минувших эпох, включая выступления руководителей государства, яркие публицистические материалы, документы официального характера и т. п. Наконец, особое внимание читателя привлекают содержательные иллюстрации, весьма умело подобранные и существенно повышающие познавательную ценность проведенного исследования.

В основательно задуманном труде автор охотно идет на самые широкие обобщения. Поясняя замысел своего произведения, он пишет, что забывший или незнающий историю своего отечества человек, кто бы он ни был, не может ни работать, ни жить по-человечески. «Изучение минувшего, диалог с прошлым формируют жизненные ценности, дают человеку и обществу ориентиры и приоритеты». Иначе говоря, глядя в зеркало истории, люди стремятся познать себя и свое настоящее положение и даже по возможности определить перспективы происходящих явлений. Без знания истории не может быть патриотизма, настоящей гордости за свою родину. Однако гордость, предостерегает автор, не должна быть бездумной. Подлинный патриот нуждается в полной правде как о славных, так и о трагических страницах прошлого своей Родины. Вот почему автор не обещает легкой прогулки по страницам былого. Лечение правдой, резонно замечает Кабанов, — болезненный процесс, «чреватый рецидивами возврата в прошлое, особенно в обществе, совсем недавно сбросившем с себя тоталитарные оковы» (Т. 1, с. 3). В таком обществе еще только формируются начала гражданственности. Именно поэтому объективная оценка побед и потерь не должна оставаться достоянием ограниченного круга исследователей и политиков.

Из введения следует, что трехтомник писал убежденный демократ, последовательный сторонник экономических и политических свобод, прав человека. Советскую систему, возникшую в результате революции 1917 года, он характеризует как антидемократическую, авторитарную, а в сталинские годы — тоталитарную и даже преступную. Захват власти большевиками, убеждает автор, сбил Россию, едва вставшую на путь демократических преобразований, с дороги общего с Европой цивилизационного развития. «Страна пошла особым путем, на несколько десятилетий выпала из общемирового процесса демократического развития» (Т. 1, с. 14). Роспуск Учредительного собрания в начале 1918 года уничтожил, по его мнению, шанс на цивилизованное политическое развитие страны. (Т. 1, с. 17). Полемически заостряя свою позицию, Кабанов заявляет даже, что падение монархии в феврале 1917 года надо признать демократической революцией, а вот захват власти большевиками в октябре того же года стал по существу контрреволюционным переворотом, так как вслед за ним последовало возникновение тоталитарной политической системы. Однако претензия на столь радикальный пересмотр объективного смысла событий 1917 года выглядит слишком легковесно. Историческое значение Октябрьской революции невозможно ограничить политическими особенностями советской системы. После 1917 года в России произошла

радикальная смена социально-экономического и политического строя. Иначе, чем революция, такую смену определить невозможно.

Другое дело, что строй, в основе которого лежало отрицание частной собственности на средства производства, а также введение идеологического единообразия действительно мог тяготеть к созданию тоталитарной системы, характеризующейся всеобъемлющим контролем власти над обществом и личностью. «В данной книге, — поясняет свою позицию автор, — термин тоталитарная система применяется к периоду становления и апогея тоталитаризма в СССР, а советская система — к послесталинскому времени, когда тоталитаризм мутировал, деградировал и умирал» (Т. 1. с. 25). Очевидно, что временем утверждения тоталитаризма Кабанов считает время правления И.В. Сталина, при этом проведенную в начале 1930-х годов коллективизацию крестьянства он определяет как возрождение крепостного права. Первые 50 страниц тома по сути дела читаются как гневное обличение пороков тоталитаризма. Сведения о жизни Воронежского края в ту эпоху сообщаются очень сжато, по существу в телеграфном стиле.

Социально-экономическая и политическая состоятельность советского строя как режима, возникшего нелегитимно, подчеркивает автор, могла быть только преходящей, а по историческим меркам — кратковременной. В последние десятилетия XX века административно-командная система исчерпала свои ресурсы, а потому объективно была обречена на системный кризис, а затем и на слом. В крушении советской системы Кабанов видит не геополитическую катастрофу, а закономерный и исторически необходимый итог. Возвращаться на общую с Европой дорогу развития, уверен он, для России совершенно необходимо. И желательно именно в наши дни. В неустойчивом, качающемся от авторитаризма к демократии обществе важно вовремя осмыслить недавние уроки истории. Между тем качественного обобщающего анализа, пройденного нашим черноземным регионом пути, до сих пор не было. «Настал момент, — пишет автор, — когда нужно заполнить этот пробел на историческом полотне Воронежской области» (Т. 1, с. 4). Как рассчитывает автор, его труд призван стать важным идейным предостережением против отката от демократических обретений постсоветского времени.

Представляя трехтомник как собрание очерков политической истории края, автор поясняет, что основным объектом исследования является история властных институтов, включая, прежде всего, анализ политических действий их руководителей, а также реакций на них различных социальных групп, средств массовой информации (Т. 1, с. 4). Здесь же автор высказал свое видение особенностей отечественного исторического развития. Они, по его наблюдению, ярче всего проявляются в том, что при проведении государственной властью внутривластного курса практически постоянно происходит чередование реформ и контрреформ. Именно поэтому путь к демократизации политического строя в России был неровным. При этом, с горечью констатирует Кабанов, «ни одна из периодически осуществлявшихся в России модернизаций не была проведена комплексно и логически завершена». Отсюда присущий нашей истории вирус революционности, так как каждое последующее поколение реформаторов получало еще более запущенную и взрывоопасную страну (Т. 1, с. 7). Остается, однако, неясным, как именно представляет себе автор «логическое завершение» проводившихся ранее модернизаций. Создается впечатление, что его упрек адресован, например, Николаю II, не пожелавшему ввести в России полномасштабные конституционные порядки вне зависимости от уровня культурной и политической зрелости русского общества.

Объясняя особенности отечественной истории, Кабанов отмечает: «Специфика политического и социально-экономического развития России состояла в гипертрофированной роли государства, самодержавном характере власти, сохранявшейся

на протяжении нескольких столетий ориентации на традиционные ценности и самопроятию, неразвитости института частной собственности и правового сознания населения, долговременном сохранении крепостнических принципов во взаимоотношениях власти и населения и, соответственно, запоздалом развитии общества как самостоятельного субъекта этих взаимоотношений» (Т. 1, с. 6). Это положение автор считает ключевым при объяснении своей позиции. Путь современной России он видит в изменении этих неблагоприятных тенденций, то есть в устранении государственного патернализма и бюрократической опеки, в демократизации властных структур, в постепенной суверенизации общества, в развитии его самостоятельно-экономического и политического потенциала (Т. 1, с. 6).

Основная часть первого тома посвящена политической истории Воронежской области первого послевоенного десятилетия. Однако здесь автор счел нужным дать обзор политического положения СССР перед началом холодной войны, знаменовавшей собой глобальное политическое, экономическое и идеологическое противостояние лагеря социализма и стран капитализма во главе с США. Глава кратко рассказывает о восстановлении промышленного потенциала области, при этом Кабанов справедливо отмечает, что одной из характерных особенностей послевоенного времени был неподдельный энтузиазм народа. Здесь же рассказано о тяжелейшем положении тружеников сельского хозяйства области. Эмоционально написаны горькие страницы о голоде первых послевоенных лет. Как полагает автор, у государства были возможности помочь попавшим в бедственное положение людям, но у высшего руководства страны были тогда другие интересы (Т. 1, с. 82). Имевшиеся у страны запасы ушли на помощь странам советской зоны влияния. Преследуя высокие политические цели, замечает Кабанов, лидеры государства игнорировали нужды собственного народа (Т. 1, с. 83).

Автор не скрывает горькой правды, напоминая современникам о тяготах того времени. Он подчеркивает, что жестокая эксплуатация крестьян «явилась одним из главных источников восстановления промышленности и основным — для снабжения городов продуктами питания» (Т. 1, с. 91). Спору нет, в первые послевоенные годы советским людям пришлось терпеть материальные лишения. Но все же не народная нужда, а напряженный созидательный труд обеспечил успех в восстановлении разрушенного хозяйства области. Слишком упрощенным выглядит и суждение о том, что относительная прочность советской системы объяснялась главным образом факторами негативного свойства: «Отгороженность страны от остального мира, политика террора, массовые репрессии, искоренение оппозиции и свободомыслия, агрессивная пропаганда сделали свое дело, население воспринимало режим как безальтернативный, утвердившийся в стране на годы и десятилетия, если не на века» (Т. 1, с. 110). Сказано, конечно, решительно. По существу, вся глава задумана как гневный памфлет против сталинизма. Однако не стоит забывать, что в ту пору советские люди в большинстве своем сохраняли искреннюю веру в светлые идеалы коммунизма, самоотверженно трудились и были уверены в правоте своего дела. Между тем возникавшим в молодежной среде относительно редким фактам сопротивления существовавшему строю в главе уделено гораздо больше внимания, чем реальным достижениям в хозяйственной и культурной жизни того действительно нелегкого времени.

Глава вторая посвящена анализу жизни страны и Воронежской области с 1953-го по 1964 год. По публицистическому определению (охотно используемому автором), это было время «хрущевской оттепели». Здесь в исключительно негативных тонах оцениваются итоги внутренней и внешней политики сталинского руководства. Примерно 40 страниц текста автор отвел хорошо известным фактам о грубейших нарушениях законности и прав человека, о начавшейся после прихода к руководству страной Н.С. Хрущева политической либерализации, об «от-

тепелных» явлениях в культурной жизни страны. Чувствуется, что эта тема чрезвычайно волнует автора, чем, по-видимому, можно объяснить заметные нарушения хронологической последовательности в построении текста. Внимание читателя не раз переключается на факты, имевшие место до «хрущевской оттепели» (например, на убийство С.М. Михозлса (с. 182–184), на роспуск футбольной команды ЦДСА в 1952 году. Много места отведено истории политических интриг в высшем руководстве страны, оценке масштабов политических репрессий и т.п. К сожалению, некоторые сведения автор сообщает без необходимой проверки, что не может не снижать ценности его — в целом справедливых — выводов. В частности, на с. 210 без всяких оговорок приведено свидетельство О. Шатуновской о том, что с января 1935-го по июнь 1941 года в стране было репрессировано почти 20 миллионов человек, причем 7 миллионов из них было расстреляно в тюрьмах НКВД. Воспроизводить такие сведения без критического анализа и сопоставления с другими источниками едва ли уместно, тем более в книге о политической истории Воронежской области. Болезненная тема политических репрессий совершенно несовместима с ошибками любого качества.

Читатели найдут в главе интересные и поучительные сведения о непростой жизни области в «оттепельные» годы. Здесь сообщается о том, что в то время оформились современные географические границы Воронежской области. С законным чувством гордости говорится о том, что к концу 1950-х годов был в основном восстановлен Воронеж (Т. 1, с. 221), о превращении в этот период Воронежской области в крупный аграрно-индустриальный регион страны (Т. 1, с. 295–297). Глава повествует о появлении новых и расширении старых заводов, о том, в частности, что двигатели ракеты, на которой совершил свой первый полет в космос Ю.А. Гагарин, были разработаны в Воронежском конструкторском бюро химавтоматики. Рассказывается, как в Воронеже бурно развивалась наука, что здесь было 5 НИИ и тридцать опытно-конструкторских бюро, в которых трудилось 20 тыс. квалифицированных специалистов (Т. 1, с. 300). Вместе со всей страной воронежцы успешно осваивали целину. С большим интересом читаются страницы об оживлении культурной жизни области. Например, сообщается, что именно в Воронеже прошла в мае 1964 года премьера популярного фильма В.М. Шукшина «Живет такой парень».

Однако и здесь общесоюзные вопросы показаны с избыточной подробностью. В целом глава оставляет впечатление очерка политической истории послевоенного СССР с краткими вкраплениями примеров из истории Воронежской области. Причем большая часть этих иллюстрирующих примеров публикуется во врезках, в которых помещены фотографии или цитаты из газет того времени.

Во втором томе предпринята попытка осветить политическую жизнь Воронежской области в так называемый период застоя. Период этот знаменуется, по оценке автора, деградацией советской системы. Здесь также преимущественное внимание уделено общим вопросам развития советского общества и политической системы. С горечью автор рассказывает, как после прихода к власти Л.И. Брежнева была предпринята попытка реабилитации сталинизма и какое сопротивление в обществе она встретила. В сущности, П. Кабанов показывает неизбежность печальной эволюции эпохи застоя до крушения и распада СССР. Отказ руководителей государства от дальнейшей демократизации политической системы и стал, по его оценке, основной причиной такого исхода. Как и в предыдущей главе, основное место в ней занял очерк истории всей страны, информация же о делах областных содержится главным образом в иллюстрациях.

В третьей главе отмечено, что позитивное воздействие на экономику области оказали попытки хозяйственного реформирования страны, начатые по инициативе А.Н. Косыгина. В области появились новые заводы: Россошанский химичес-

кий, Павловский горно-обогатительный, Воронежский алюминиевых конструкций и ряд других. Именно тогда Воронеж стал важнейшим центром электронной промышленности и даже родиной мобильной связи в СССР (Т. 2, с. 57). Воронежский авиазавод по праву приобрел репутацию одного из флагманов отечественного авиастроения. Свертывание же реформаторского курса привело к спаду эффективности воронежской экономики. В результате стали нарастать негативные явления: обострялись проблемы дефицитов и возникновения очередей, коррупции и спекуляций, усиливалась нравственная деградация системы. Экстенсивный путь развития экономики, заключает Кабанов, подходил к своему пределу (Т. 2, с. 105).

Автор с увлечением рассказывает о несомненных достижениях воронежцев в спорте: гимнастике, шахматах, фехтовании, боксе. Напоминает современному читателю о шумных политических событиях, визитах в Воронеж Фиделя Кастро и шаха Ирана Пехлеви. Однако и здесь проявилась чрезмерная склонность автора к политологическому анализу общих вопросов жизни государства. С пристрастием написаны страницы об интригах в высшем руководстве КПСС, о кадровой политике Н.С. Хрущева или Л.И. Брежнева, о том, например, при каких обстоятельствах произошло назначение на пост председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова и к каким последствиям для политического развития общества это привело (Т. 2, с. 119–122). Любопытен пассаж о формировании социально-культурного типа советского человека. Прямо скажем, авторских симпатий этот тип не вызывает. По определению Кабанова, советский человек, с одной стороны, готов подчиняться государственному насилию, а с другой — агрессивно-враждебен ко всему чужому. Предложено и обобщение: «Советский человек не верил, что собственным трудом можно чего-то достичь, в застойные годы он окончательно разучился проявлять инициативу, работать эффективно, да и просто работать» (Т. 2, с. 125). Но эту удручающую картину скрашивали диссиденты, отважившиеся, как подчеркивает автор, на моральный, а подчас и политический протест против господствовавшей косности. Poleмическая заостренность данных оценок очевидна: автору важно показать историческую обреченность административно-командной системы. Однако безоговорочно принять такое суждение невозможно. Огромное число советских людей никак не заслуживало подобной аттестации, да и сам Кабанов, будучи в юности советским человеком, умел эффективно трудиться и был весьма инициативен.

С воодушевлением написана четвертая глава трехтомника, посвященная анализу политического положения области в годы «гласности и перестройки». Как и в предыдущих главах, автор подробно рассказывает о событиях общегосударственного значения: об обстоятельствах прихода М.С. Горбачева на высшие посты в партии и в государстве, о первых мероприятиях, направленных на преодоление так называемых застойных явлений, о политике гласности, о начале перестройки. Глава напоминает об обстоятельствах принятия антиалкогольных указов и оценивает последствия от этих мало популярных шагов. С интересом читаются политические характеристики В.Н. Игнатова, Г.С. Кабасина, других областных руководителей той поры. Содержательны и рассказы о первых результатах новой экономической эпохи, в частности, о росте в области кооперативного движения. Автор напоминает о решениях XIX Всесоюзной партконференции, о скандальной статье Нины Андреевой и прочих колоритных событиях той бурной поры. Например, о том, что ветер перемен привел к движению за закрытие строительства в Воронеже атомной станции теплоснабжения, к появлению в области организаций «Мемориала», «Демократических выборов», «Культурной инициативы» (Т. 2, с. 404–405). С симпатией рассказано о выборных кампаниях того времени, об ожидании перемен к лучшему, о первых победах демократов (Т. 2, с. 409). Автор напоминает о небывалом росте популярности демократической прессы, о том, на-

пример, что даже малотиражная газета «Воронежский университет», редактором которой была энергичная журналистка А. Великова, стала весьма влиятельным фактором формирования общественного мнения. «Чувствовалось, что воронежцы истосковались по возможности открыто, не боясь последствий, говорить правду» (Т. 2, с. 416). Необычность того времени проявилась и в том, что большая группа воронежских ученых была избрана в народные депутаты разных уровней. Познавательны страницы о прошедшей тогда в области так называемой «департизации» учреждений и предприятий. Правда, и в этой главе рассказы о событиях в регионе заметно уступают оценкам общего характера. Даже в приложениях нет воронежских документов, но есть письма А.Д. Сахарова, А.И. Солженицына, Л.К. Чуковской и другие весьма интересные документы эпохи, но отнюдь не местного звучания.

Оценкам политического развития страны и области в постсоветское время посвящен третий том. Именно тогда, обнадеживает автор, страна стала возвращаться «на общецивилизационный путь строительства демократии и рыночной экономики» (Т. 3, с. 4). Однако, как следует из текста пятой главы, возврат этот вполне благополучным не получился. Он даже еще и не завершился и, по оценке автора, стал «переходным», с откатами к административно-командному прошлому. Однако при объяснении такой неблагоприятной тенденции П. Кабанов порой непоследователен. Он утверждает, например, что общественный подъем начала 1990-х годов, сопровождавший провал попытки ГКЧП спасти советскую систему, позволял российскому руководству провести коренное очищение государственного аппарата (Т. 3, с. 13). Но буквально тут же признает, что фактически такой возможности у российского руководства не было. У новой власти попросту отсутствовал необходимый кадровый резерв. Автор далее утверждает, что недальновидный шаг новой власти состоял в игнорировании активных борцов с советской властью. Но при этом замечает, что «никто из диссидентов и правозащитников не ставил целью своей жизни переход в разряд профессиональных российских политиков или карьерных чиновников». К тому же далеко не все из них могли бы работать в новых властных структурах. Так за что же упрек? Да и вообще проблема не может быть сведена к недальновидности первого президента России. Сам же Кабанов сообщает, что в числе первых шагов Б.Н. Ельцина было назначение в регионы своих представителей с «комиссарскими полномочиями». Тем самым, замечает автор, «президент давал молодым демократам шанс освоиться в новом качестве, набраться опыта и готовиться к переходу на государственную службу» (Т. 3, с. 16). Но вот первому полномочному представителю В.А. Давыдкину так и не удалось сформировать из демократических активистов команду будущих чиновников. Не нашлось профессионалов. Оказалось, что активные демократы после победы в 1991 году над путчистами предпочли свои излюбленные занятия (наукой, журналистикой, литературой и т.п.). Так что новое областное руководство «с самого начала вынуждено было опереться на старые кадры, а потом уже никто и не занимался поиском и подготовкой новых управленцев» (Т. 3, с. 17). При том состоянии общества своеобразный реванш старой номенклатуры был практически неизбежен, а по-своему даже целесообразен.

Воронежская тема в данной главе представлена гораздо шире, чем в предыдущих. Здесь рассказано об обстоятельствах смены областного руководства, представлены политические портреты В.К. Калашникова, В.А. Давыдкина, И.М. Шабанова, А.Я. Ковалева. Глава напоминает о том, что в начальный период перехода к рыночной экономике губернатору А.Я. Ковалеву пришлось уповать на администрирование даже при определении цен на товары первой необходимости или при ограничении вывоза таких товаров за пределы области. Однако, пользуясь предоставленной свободой, малый бизнес постепенно начал вовлекать в свою орбиту ты-

сдачи воронежцев. Молодой читатель может узнать о пресловутых «челноках», о начале деятельности товарной биржи, открывшейся в Воронеже в 1991 году. Впрочем, напоминает Кабанов, тогда же начало сокращаться промышленное производство, сопровождавшееся процессом акционирования воронежских предприятий. Однако, с горечью констатирует автор, народного капитализма не получилось, основную выгоду от приватизации сумела извлечь прежняя партийная и хозяйственная номенклатура (Т. 3, с. 56). Власть и богатство именно тогда начали сливаться воедино. «Уже в начале нашего века упорный труд и близость к власти выделили из общего потока группу крупного (по региональным меркам) бизнеса, который со временем войдет в число субъектов областного политического процесса» (Т. 3, с. 111).

На этом фоне с явной симпатией характеризуется деятельность губернатора А.Я. Ковалева, сумевшего привлечь к административной деятельности демократически настроенных местных политиков. Потребительская корзина в области, напоминает Кабанов, была тогда одной из самых доступных в стране (Т. 3, с. 103). В главе детально рассказано о новых веяниях в культурной жизни страны и области. В частности, об открытии в 1993 году Камерного театра, руководимого М.В. Бычковым. Заметным событием того же года стало учреждение звания Почетного гражданина Воронежа. Конечно, подчеркивает автор, в 1990-е годы резко ухудшились экономические показатели Воронежской области. Но все же то беспокойное десятилетие было наполнено не только «шоками», обидами и криминалом. Люди ощутили, а многие и оценили свободу выбора, динамику общественных процессов, открытость политической жизни.

Завершающая шестая глава трехтомника посвящена оценкам политического развития Воронежской области в новом веке. Основной тенденцией этого развития, полагает автор, стал тихий номенклатурный реванш, сопровождавшийся постепенным угасанием интереса к политической жизни. В области начали возникать не реальные, а имитационные институты гражданского общества вроде созданной в 2001 году Общественной палаты Воронежской области. Фиксируя смену идейного климата, Кабанов с сожалением отмечает: «Если на рубеже веков поражение СССР в холодной войне воспринималось как провал коммунистического эксперимента, то теперь оно стало трактоваться как национальное поражение, привдешее к распаду Советского Союза» (Т. 3, с. 234).

Весьма показательны наблюдения о характере духовной жизни современной России. Приходится констатировать, пишет автор, что слабость демократических традиций и их носителей привела к тому, что не демократические ценности, а великодержавие стало ведущим идеологическим стержнем современной эпохи. Иначе говоря, речь пошла о так называемой суверенной демократии. Как полагает автор, это определение неверно по существу, так как понятие «суверенитет» относится к внешнеполитической сфере, а «демократия» — к внутренней (Т. 3, с. 240). Теперь, замечает Кабанов, при доказательстве суверенности нашей демократии официальные идеологи апеллируют к Великой Отечественной войне, а не Октябрьской революции. История России стала трактоваться как череда побед, одержанных под мудрым руководством князей, императоров, генсеков. Автор с большой озабоченностью пишет: «Вместо осмысления цены Победы, вдумчивого анализа славной и непростой отечественной истории, извлечения уроков из прошлого началось коллективное самовнушение» (Т. 3, с. 261).

В главе немало тревожных суждений по поводу спада тонуса общественной жизни. «Нынешнее поколение, — огорчается автор, — пока тоже недалеко продвинулось по пути понимания, что без свободы, демократии и рынка нет развития страны» (Т. 3, с. 270). У столь печального положения, по его мнению, несколько причин, в том числе объективных: «Так или иначе, но усталость от 90-х гг. и

ментальность предрасположенность российского народа к пассивности, неумению и нежеланию бороться за свои права привели к потере влияния избирателей на принятие судьбоносных решений» (Т. 3, с. 271). Однако тезис о «ментальной предрасположенности», о нежелании и неумении бороться за свои права никакими научными аргументами не подкреплен. Желание бороться за свои права российский народ проявлял неоднократно, во втором томе своего произведения П. Кабанов сам пишет об этом с большим воодушевлением. Проблема, очевидно, в том, что гражданские качества общества не могут сформироваться по приказу или только по желанию руководства, для их формирования необходим длительный процесс освоения новых экономических и культурных реалий. Но автор все же остается оптимистом и вслед за академиком Д.С. Лихачевым утверждает, что Россия была и всегда будет европейской страной в лучшем гуманитарном смысле этого понятия (Т. 3, с. 268). Однако надо «всем обществом осознать неприемлемость тоталитарной практики в любой форме, и только после этого можно говорить об избавлении от теней прошлого, которые в России так и норовят стать днем сегодняшним и даже будущим» (Т. 3, с. 334).

Особый интерес представляют зарисовки о сильных и слабых сторонах административной деятельности губернатора В.Г. Кулакова. Вполне позитивно сказано о руководстве областью А.В. Гордеевым. С чувством искренней признательности автор отмечает, что «во время нагнетания нетерпимости к инакомыслящим, сопровождавшейся поиском «иностранных агентов», «пятой колонны» и т.п., он показал себя ответственным политиком и руководителем, не допустил эскалации насилия на территории вверенной ему области. Атмосфера неуставист, настроения ксенофобии, политического радикализма, вульгарно-хамская стилистика в отношении оппонентов остались в локальной нише, не стали доминирующим фактором общественно-политической жизни области» (Т. 3, с. 403).

В приложении к третьему тому помещены содержательные документы. Например, обращение большой группы администраторов, деятелей науки и культуры к генералу В.Г. Кулакову с просьбой выдвинуть свою кандидатуру на пост губернатора. Здесь же публикуются интервью с А.В. Гордеевым, статья А. Валагина о судьбе обращений по присвоению Воронежу звания Город-герой, некоторые другие материалы.

В столь обширном произведении трудно избежать фактических ошибок. Есть они и в книге Кабанова. Например, в Воронеже нет улицы Новослободской, очевидно, имелась в виду Новосибирская. Досадная неточность содержится во фразе о том, что «в 1967 г. была введена пятидневная рабочая неделя и всеобщая воинская повинность» (Т. 2, с. 26). Всеобщая воинская повинность была введена в России еще в XIX веке и с тех пор практически не прерывалась, если не считать кратковременного ее отсутствия после завершения гражданской войны. Неточностью страдает и суждение о том, что в августе 1974 года после проведения очередной паспортной реформы «впервые в истории России все граждане, достигшие 16-летнего возраста, обязаны были иметь паспорт» (Т. 2, с. 76). Речь, очевидно, должна идти о том, что по указанной реформе все граждане обязаны были иметь постоянные паспорта (с вклеиваемой фотографией после достижения определенного возраста).

Нельзя согласиться с утверждением, что перед Первой мировой войной момент для мирной трансформации режима был упущен (Т. 1, с. 11). Как раз наоборот. Именно в это время такой момент в политической жизни России появился. В те годы в стране наблюдался бурный экономический и культурный рост, началось формирование основ гражданского общества. Упущен же он был уже на исходе мировой войны, когда под воздействием целого комплекса неблагоприятных факторов произошло стремительное крушение монархической государственности. Автор неточен, когда утверждает, что после 3 июня 1907 года в стране обостри-

лась политическая конфронтация, «усилились репрессии, ожесточилась цензура, начались погромы и убийства политических деятелей». Напротив, третьей июньским переворотом была завершена первая русская революция и наступил период хотя и недолгой, но весьма устойчивой стабилизации. Аккуратнее следует обращаться с цифрами. Вполне достоверно, в частности, выглядят сведения о ценах на продукты в конце 1940-х годов, когда в коммерческих магазинах 1 кг хлеба стоил 50–70 руб. Но через пару страниц автор сообщает, что в начале 1950-х годов закупочная цена на говядину составляла 23 коп. за килограмм, в магазинах же килограмм говядины продавался за 1 руб. 50 коп. (Т. 1, с. 86, 88). Автор должен был вспомнить о масштабах цен и курсе рубля. Килограмм говядины ценой в 1 руб. 50 коп. мог продаваться лишь после денежной реформы 1961 года, но никак не в начале 1950-х годов.

Но при всех незначительных недостатках или спорных суждениях чтение книги доставляет большое удовольствие, жителю Воронежской области особенно. Вчитываясь в страницы, повествующие о днях давно минувших и не таких уж отдаленных, хорошо чувствуешь, что эта книга не только о политической истории области, но и о непосредственных участниках минувших событий, о молодых и зрелых годах большинства воронежцев. Особый интерес вызывают многочисленные иллюстрации, публикации газетных репортажей, воспоминаний современников и прочих колоритных свидетельств насыщенной и пестрой картины истории края. Этот трехтомник можно читать и перечитывать многократно. Причем с любого места и в любом порядке. Он по праву займет видное место в ряду ярких произведений исторической публицистики. Исследование П.А. Кабанова вносит крупный вклад в научную разработку исторического краеведения.

